

БАЖЕН ПЕТУХОВ

ЧЕСТНЫЙ ПОЭТ

Валерий Гришковец. “Я из тех...” Избранная поэзия и проза. Минск, 2012

Валерий Гришковец – очень честный поэт. Начиная с этого, я совсем не имею в виду, что он неталантлив. Я просто считаю, что это – важнее. Поскольку – реже. Именно потому каждая строка и каждое слово его стихов так близки не только ему одному – всему роду русскому... белорусскому. Человеческому роду. И не случайно последняя книга-сборник поэзии и прозы Гришковца называется: “Я из тех...”.

Даже иносказания такого поэта, как он, откровенней прямой речи. Они не кажутся “поэтической фигурой”, нарочитым тропом, а словно выходят-вытекают из доверительного разговора между друзьями, где все понятно с полуслова... из умолчания даже:

*Мне сорок пять. Я столько видел,
Что не запомнил ничего!..*

Валерию Гришковцу уже шестьдесят. Если не издеваться (что, к сожалению, принято в нынешней “культуре”), а принимать человека как ближнего своего, – то за этими немудрёными словами увидеть можно многое. То, чего “не запомнил” поэт (но ведь запомнил же хоть что-нибудь!): рассказы о Великой войне и о тюрьме поседевших дедов и отцов; глухое время брежневских приписок и пыжиковых шапок с японскими магнитофонами; говорливую перестройку; распродажу и воровство, митинги и расстрелы, новую войну и новую суму девяностых; расторжение, растление, забвение страны и народа... Все то, что делает сегодняшнее сиротство многих горчайшим – и почти безвыходным.

Но Гришковец – не сирота. Он белорус. При всех потерях, при всей многолетней боли – у него есть и навсегда останутся родина, дом и мать. Величины постоянные:

*Отчий дом, бедой и горем крытый,
Ни за что не оброну упрёк...*

Ни человеком, ни тушкой, ни чучелком – никогда всего этого ему не бросить. Не отказаться. Вы знаете, во всем этом так много раз уже клялись так многие (тот же Бродский), что верить уже трудно... А вот ему – верю. Несмотря на возраст и дату, Гришковец никакого отношения к “поколению дворников и сторожей” не имеет. Не из Минска он – из малого Пинска. Служил, как положено, в армии, стоял у станка, строил, был геологом, даже виноградарем был. Был даже когда-то бродягой. Не был он только посторонним. И за это ему – спасибо.

Простота поэтического слова Гришковца не кажется заезженной; ему при-
суща чуткая слаженность и уместность словоупотребления. Порой она возвы-
шается до красоты неразмеченной, почти былинной.

*Нескучный сад... А ты грустишь, любимая.
Пусть даль черна и холодна, как лёд.
Но сад в снегу — как стая лебединая,
И чем темней — светлей его полет!*

В жизни поэта многое связано с Москвой. Так же, как и со всей Россией. Так же, как и с Литвой, которой Гришковец бросает незлое печальное сожа-
ление, — как женщине, которая любила, да ушла. Наряду с вечными мотива-
ми пьянства и бродяжничества, одиночества и неуместности в этой жизни,
в итоговом, избранном сборнике Гришковца появляются сдержанные и муд-
рые обобщенья. Даже геополитического характера. Честно говоря, прежде,
когда я вместе с поэтом учился на Высших курсах Литературного института,
в семинаре у Юрия Кузнецова, я не очень верил, что в доску народный Гриш-
ковец сможет выйти за пределы заколдованного круга традиционных обид
и счетов. Но он выходит. Так легко и просто, и всё той же “народной” поход-
кой. Помоги Бог выйти и всем нам.

Важное место в стихах Гришковца занимает ответ (не вопрос!) веры. Это
вера по-настоящему христианская: смиряющая и тем очищающая себя. Язы-
ческие “рецидивы”, опять же столь распространенные в нынешней культуре,
почти неизбежные ныне в поэзии патриотического направления, не властны
над ним. Не заносит Гришковца судить других прежде самого себя. Трезвение
становится не только физической потребностью — потребностью духовной:

*С колыбели, с самого начала,
Что ведёт нас по земле, мой друг?
Разыгрались волны у причала,
Повторяя свой извечный круг.
Ну, а нам в один конец дорога,
Торопись по ней, не торопись, —
Человеку путь один от Бога
И одна ему от Бога жизнь.
Как бы твоё сердце не кричало,
Гордый и всесильный человек,
Но пройти опять свой путь сначала,
Хоть умри, не сможешь ты вовек.*

Никакой обреченности — при всей тяжести этой универсальной темы!
Вместо этого — утверждение жизни по воле Божией. И снова:

*Я был разрезан вдоль и поперёк,
Но жизни, нет, не брошу я упрёк.
“После операции”*

Найдена твердая мера — и человеку, и государству. И современности,
и истории. Мера строгая:

*У славы есть примета страшная,
Где больше лиха — там она!*

Мне кажется, что этого не поняли многие историки и политические деяте-
ли — и даже с самыми лучшими намерениями. . .

Смирясь, Гришковец не отдаёт ничего, вверенного ему Провидением.
Он — по-прежнему сын, и брат, и муж, и отец. И гражданин. Просто теперь
в этом кругу понятий, устремлений и долга одно другому не мешает. Вероят-
но, так и сказывается настоящая мудрость Господа. Он помнит всё:

*Расплатились кровушкой
за поля родные,
Водкой да слезами
позалили боль...*

Тут бы, расплатившись, и расплеваться, и разойтись... Но поэт знает:

*В Киеве,
в Москве ли,
в пограничном Бресте,
Пусть колюч, но это —
наш, родимый хлеб!
“Славянская заздравная”*

Перед нами поэт невычурный, без “сложностей” и особой позы. Сейчас это немодно. Наверное, можно сказать, что собственная тема Гришковца — а далеко не каждый талантливый автор дорастает до “своей” темы — *Всеобщее* в человеке. А мы в литературе уже давно, с незапамятных времен элитарно озабочены, прежде всего, своего лица *необщим выраженьем*. Не замечая, как это лицо превращается в гротескную звериную маску. Ради красного словца не пожалеем никого. Но вспомним ли брата?

Об ошибках и недостатках в книге избранного поговорим кратко... Их, ошибок, довольно на каждого мудреца. Поэтому и недочётов в поэзии Валерия Гришковца немало. Постоянная неточность рифм, которая воспринимается и расценивается, впрочем, как неизбежная, привычная дань беглости, простой, *необточенной* разговорной речи. Вечное *незнакомство* с сюжетами и темами мировой поэзии (как многие из нас, забывшись, пишут новые “В полдневный жар, в долине Дагестана”...). С одной стороны, когда забываешь об *эталонах*, ни Пушкин, ни Толстой тебе писать уже не мешают. Это закономерность известная. К тому же сама непосредственность творчества Гришковца прямо подразумевает первичность, приоритет для него внелитературных ориентиров... И всё же хочется напомнить автору, что стихотворство — не только дар, но и ремесло, в котором правилами пренебрегать надобно осторожно. Тогда не будет обидных изъянов в красоте, уйдут ненужные повторы.

Мелос — особенно просодия — стихов Гришковца, написанных на великорусском языке, очень белорусские. Что совершенно не мешает им найти дорогу к сердцу нашего читателя. Даже помогает. В этом смысле поэт — необходимое звено, соединяющее сейчас наши расходящиеся народы. Валерий Гришковец — насыщенный поэт.

Я мог бы — и должен был — добавить здесь хвалебную оду поэзии братской Беларуси; начать, может быть, с Николая Гусовского и Симеона Полоцкого, развернуть Янкой Купалой и Якубом Коласом... Но я не хочу завершать ее Гришковцом. Думаю — он и сам не хочет. Пусть она продолжается.

... Я все-таки мало сказал о биографии поэта, хотя много думал об этом, когда писал эту статью. По воспитанию Валерий Гришковец — настоящий крестьянин, а по судьбе — неизбывный скиталец если не телом, то душой. Мне кажется, что в каждом соплеменнике-сябре, как бы ни давили лживые законы *цивилизации и прогресса*, живут люди лесные, вместе с деревьями и травами, и разговор ведут со зверем и птахой, а в каменных мешках часто гаснут, как певчие птицы в клетках. Даже если сами не понимают этого... Но это — тема другой статьи. А пока поздравим Валерия Гришковца: добрая вышла книга, где вместе с поэтической судьбой запечатлелась и судьба национальная.

ДОПУЩЕНА ОШИБКА

В комментарии к переписке В. И. Белова и С. Ю. Куняева «Не зря живем...», опубликованной в № 10 за 2012 г., на стр. 242 допущена досадная ошибка.

В. Белов писал С. Куняеву 23.10.2002 г.: «Сможешь ты организовать хоть небольшую рецензию на книгу И. Р. Шафаревича «3-тысячелетняя загадка». Питерское издательство «Библиополис», 2002. Тираж всего 5 тысяч (может, уже скуплен и сожжен). Если, конечно, не побоишься пули из-за угла». В комментарии к этим словам сказано: «Рецензия на книгу И. Р. Шафаревича в «Нашем современнике» не публиковалась».

На самом деле, вскоре, в № 3 за 2003 г., была опубликована даже не «небольшая рецензия», а довольная большая статья Андрея Воронцова «Загадка — не только в евреях» о книге И. Р. Шафаревича «Трехтысячелетняя загадка».